

читателей создается неправильное представление, что персы, продвигаясь из Азии, сначала перешли Днестр, а затем Дунай.

Неверно, что до скифского похода Дария персы не знали ни одной военной неудачи (стр. 61). Так, например, поход Кира против масагетов окончился истреблением большей части персидского войска и гибелью Кира (Нег., I, 214). На стр. 150 ошибочно употреблено выражение «политические учреждения у Гомера»; на стр. 83 сказано, что «наиболее удачным местом для новой битвы он считал остров Саламин», а не Саламинский пролив. Неудачны выражения: «оторвать от персов ионийцев» (стр. 83), «призымы, написанные на Артемисии» (стр. 87). Описание устройства театра V века до н. э., отличавшегося большой простотой (стр. 129), не соответствует иллюстрации, изображающей пышное оформление театра эллинистического времени (стр. 122).

Высказанные выше критические замечания не лишают общей положительной оценки рецензируемую книгу. Она отвечает требованиям нашей науки и воспитательным задачам советской школы. Следует признать, что книга для чтения по древней Греции является ценным пополнением нашей научно-популярной литературы. Она будет использована учителями средней школы и студентами исторических факультетов в их педагогической практике, а также школьниками старших классов. Мы должны приветствовать ее появление в свет, как доброкачественной и интересной по своему содержанию. Несомненно, «Книга для чтения» будет способствовать повышению качества преподавания древней истории в средней школе.

O. A. Ротберг

КИТАЙСКОЕ ИЗДАНИЕ КОМЕДИЙ АРИСТОФАНА

2400-летие со дня рождения великого древнегреческого драматурга Аристофана, отмечавшееся в 1954—1955 г. по решению Всемирного Совета Мира, привлекло широкое внимание китайской общественности.

К юбилейной дате были выпущены научно-популярные фильмы, помогающие китайскому народу лучше узнать великого поэта и его произведения; отделения Ассоциации китайских драматургов провели конференции, посвященные памяти Аристофана; в газетах и журналах были опубликованы многочисленные статьи.

15 ноября 1954 г. в Пекине состоялось торжественное заседание, организованное Всекитайским Комитетом защиты мира, Обществом культурной связи с заграницей и общественными организациями деятелей китайской литературы и искусства. В работе заседания приняли участие видные китайские писатели: член Всемирного Совета Мира Мао Дунь, президент Ассоциации китайских драматургов Тянь Хань и другие. На вечере артистами пекинских театров были прочитаны отрывки из «Ахарнян» и «Плутоса».

К юбилейным дням был приурочен и выход в свет книги комедий Аристофана, изданной в Пекине на китайском языке и недавно полученной в Советском Союзе.

В книгу включено пять комедий: «Ахарняне», «Всадники» и «Облака» в переводе Ло Нянь-шэна, «Птицы» в переводе Ян Сянь-и и «Плутос» в переводе Чжоу Цимина. Комедиям предпослана вступительная статья (стр. 1—37), написанная Ло Нянь-шэнном, тексты сопровождаются комментариями, и в качестве приложения дан перевод XXVI и XXVII глав из I тома советской академической «Истории греческой литературы», написанных акад. И. И. Толстым. Книга снабжена иллюстрациями — преимущественно репродукциями вазовой живописи.

Инициатива творческого коллектива, работавшего над сборником, и издательства «Народная литература», выпустившего его в свет, заслуживает самой высокой оценки. Комедии Аристофана до сих пор не издавались на китайском языке, если не считать перевода «Облаков», выпущенного в 1938 г. в Шанхае одним из ведущих ки-

тайских издательств. Показательно, что комедия, вызвавшая столько споров и противоречивых оценок в европейской литературе, эстетике и критике, первой нашла доступ и в Китай. Едва ли, однако, издание, осуществленное 17 лет тому назад в условиях гоминдановского Китая, могло быть доступно широкому кругу читателей.

Напротив, рецензируемое собрание переводов имеет совершенно определенную направленность. Оно адресовано массовому читателю, которому книга комедий Аристофана должна дать в доступной форме достаточно полное представление о творчестве крупнейшего сатирика древнего мира. Можно считать, что эта задача выполнена творческим коллективом в общем удачно.

Прежде всего остановимся на оценке вступительной статьи, значение которой в книге такого рода особенно велико. Она открывается кратким введением, в котором характеризуется историческое значение творчества Аристофана, «величайшего борца за мир в древней Греции и замечательного поэта-реалиста», в течение всей своей творческой жизни отстаивавшего интересы афинского города-государства и народа. Автор статьи справедливо оценивает Аристофана как поэта-патриота, который выступал против братоубийственной войны, критиковал продажность и подкупность, разлагавшие общественную нравственность, воспевал простую крестьянскую жизнь и простых земледельцев-тружеников.

Здесь же автор, присоединяясь к достаточно распространенному мнению, утверждает, что Аристофан выступал против угнетения союзных городов (стр. 1). Мысль эта, повторяющаяся и в дальнейшем (стр. 8—9, 35), вызывает возражения. Нам представляется, что Аристофан в своих комедиях критиковал не столько самую систему эксплуатации союзников, сколько форму распределения доходов, при которой львиная доля попадала в руки крупных рабовладельцев — купцов и содержателей ремесленных мастерских. Такой вывод во всяком случае напрашивается из анализа комедии «Осы», а что касается содержания «Вавилонян», давших главным образом повод к изображению Аристофана в качестве защитника союзников, то при существующем состоянии фрагментов этой пьесы трудно делать какое-либо определенное заключение. Видимо, на недоразумении основано и утверждение Ло Нянь-шэна, будто в 642 стихе «Ахарнян» Аристофан показал, как народ в союзных городах страдает от афинских демократических властей — в указанном стихе речь идет опять же о «Вавилонянах» и нет ни слова о бедствиях союзников. Сказано только *ως δύμορχοιστούται*, и это в такой же мере подтверждает точку зрения Ло Нянь-шэна, как и опровергает ее¹.

Следующий раздел статьи содержит биографические данные об Аристофане, — как известно, весьма небогатые, — и оценку исторической обстановки, сложившейся в Афинах к середине V в. В целом этот раздел также заслуживает положительной оценки. На небольшой книжной «площади» автор сжато и выразительно сообщает о расцвете Афин, наступившем после победы над персами в 480 г., и о внутренних противоречиях, накопившихся внутри афинской демократии. Он учитывает как факторы социально-экономического и политического порядка (рост рабовладельческого производства, превращение Делосского морского союза в афинскую архе и недовольство союзников, борьба партий в Афинах в период Пелопоннесской войны), так и новые явления в идеологической жизни Афин (софистическое движение). Естественно, что автор касается также внешнеполитических противоречий между Афинами и Пелопонесским союзом, непосредственно приведших к войне 431—404 гг.

В этом разделе вызывает, однако, возражение слишком суммарная характеристика экономических отношений в Афинах в V в. Сразу же вслед за оценкой результатов победы, достигнутой греками в 480—479 г., автор говорит о закладных операциях с землей, о ростовщичестве, конкуренции привозного хлеба как о факторах, способ-

¹ Подробнее об этом см. в статьях: С. Я. Лурье, Эксплуатация афинских союзников, ВДИ, 1947, № 2 и В. Н. Ярох, Комедия Аристофана и афинская демократия, ВДИ, 1954, № 3, стр. 16—17, а также передовая ВДИ, 1954, № 3, стр. 7.

ствовавших упадку аттического сельского хозяйства и возникновению противоречий между городом и деревней (стр. 5). Думается, что при подобной постановке вопроса автор невольно оказывается в пленах построений модернистской школы, с легкостью переносившей в прошлое экономические категории, присущие современному капиталистическому обществу. Прежде всего, привозной хлеб никогда не составлял и не мог составлять в Афинах конкуренцию аттическому земледелию по той простой причине, что зерновое хозяйство в Аттике, будучи малопродуктивным, и не пыталось удовлетворить собственных потребностей страны в хлебе. Поэтому можно с уверенностью сказать, что борьба за «хлебные рынки», за морские пути, обеспечивавшие подвоз хлеба в Аттику, встречала полную поддержку афинского крестьянства, экспортавшего в обмен на хлеб исконные продукты аттического земледелия — оливковое масло и вино. Следовательно, говорить в данной связи об упадке аттического сельского хозяйства и тем более в середине V в. нет решительно никаких оснований.

Во-вторых, заклад земельных наделов, принадлежавших мелким и средним собственникам, спекуляция участками и ростовщические операции землей относятся к гораздо более позднему времени. Скорее всего эти процессы следуют отнести к последнему десятилетию Пелопоннесской войны, после захвата спартанцами Декелей, и к началу IV в. до н. э. (см. Xenoph., *Oeconom.*, XX, 22, 26—29; ср. Lysias, VII, 6—8). У самого Аристофана мы находим отражение подобных фактов в поздних комедиях (*Eccl.*, 591—592, Pl., 28—30), а для первого периода творчества (425—421 гг.) характерно как раз отражение в его комедиях стремлений крестьян вернуться к своим участкам. Поэтому для объяснения мировоззрения Аристофана такое толкование противоречий между городским и сельским демосом, какое дается в рецензируемой статье, является ошибочным. Значительно целесообразнее было бы поставить вопрос о различии экономических интересов крестьянства, тяготевшего в общем к натуральному хозяйству, и городского демоса, заинтересованного в развитии товарно-денежных отношений, и четко ограничить время и условия, когда эти противоречия получили наиболее яркое выражение — т. е. первые годы Пелопонесской войны, стратегический план Перикла и спартанские вторжения, поставившие под угрозу экономическое благосостояние земледельцев. Автор статьи отчасти говорит об этом ниже (стр. 10).

Дальнейшая часть предисловия посвящена анализу и оценке комедий, включенных в сборник. Она написана добросовестно и, насколько возможно по масштабам вступительной статьи, обстоятельно. С принципиальной точки зрения важно отметить, что Ло Нянь-шэн разделяет установившийся в советской науке взгляд на Аристофана как выразителя идеологии аттического крестьянства и полемизирует с позициями тех ученых, которые склонны видеть в древнем сатирике сторонника аристократии, ретрограда и беспощадного противника демократии. Автор убедительно доказывает, что существует решительное различие между отношением к войне и демагогам со стороны олигархов и Аристофана; он отчетливо формулирует те политические цели, которыеставил перед собой Аристофан в каждой из своих комедий.

Примером такого убедительного и содержательного изложения материала может служить в целом анализ «Ахарнян», «Облаков» и «Плутоса», а также объяснение причин и оценка Пелопонесской войны, которую автор характеризует как несправедливую с обеих сторон. Вместе с тем в статье показано, что Аристофан выступал не вообще против всякой войны — освободительная патриотическая война, которую в свое время вели Афины против персов, пользуется его симпатиями. Ло Нянь-шэн верно определяет политический идеал Аристофана как ориентацию на лучшие времена «здоровой» демократии эпохи марафономахов, но вместе с тем раскрывает утопический характер этого идеала, его неосуществимость, особенно в конце творческого пути поэта.

Интересна характеристика софистического движения, которое автор не склонен изображать сплошь в мрачных тонах. Он отмечает прогрессивные элементы в софи-

стике, которая стремилась уничтожить суеверия, развенчать религиозные верования и провозглашала примат разума над слепой верой и мертвыми традициями, открывая тем самым путь к развитию научного мышления. Наряду с этим Ло Нянь-шэн показывает отсутствие у софистов цельного мировоззрения, которое они могли бы предложить взамен разрушающей ими традиционной морали, и обращает особое внимание на индивидуализм и скептицизм софистической этики, используемой преимущественно богатой молодежью в ущерб интересам народа и государства.

Думается, однако, что здесь автор впал в некоторую односторонность. Правильно утверждая, что идеология и педагогика софистов были, в конечном счете, идеологией и педагогикой богачей, он не учитывает того обстоятельства, что объективные условия для появления софистического движения были подготовлены самим внутренним развитием афинской демократии, впервые в древнем мире поднявшей такую высокую роль и значение отдельного человека, полноправного и ответственного за свои поступки гражданина демократического государства. Нельзя забывать о том, что субъективно ни Протагор, ни Продик, ни Гиппий не были противниками и тем более врагами демократии. Поэтому следовало хотя бы отделить субъективные побуждения софистов старшего поколения от объективного значения, которое приобрели их теории в эпоху кризиса рабовладельческого полиса.

Особое место в статье занимает рассмотрение комедии «Птицы», принадлежащей, как известно, к числу наиболее «загадочных» комедий Аристофана. Автор отвергает примитивные и плоские попытки истолковать прославленную комедию как прямой намек на события, связанные с экспедицией в Сицилию, приключениями Алкивиада и т. д. Не соглашается он и с теми исследователями, которые расценивают «Птиц» как сказочную комедию, своего рода попытку скрыться в мир лирической фантастики от тревожной обстановки, сложившейся в Афинах после отплытия флота в Сицилию (последняя точка зрения разделяется одним из авторов этой рецензии в его книге об Аристофане).)

По Нянь-шэн предлагает собственное толкование идейного замысла «Птиц». По его мнению, в «Птицах» Аристофан выдвигает утопический план нового общественного строя, свободного от отрицательных сторон жизни в Афинах. Высмеивая разврат, паразитизм, сутяжничество, расцветающие в условиях городской жизни, поэт под видом птичьего государства прославляет жизнь простого народа. Так, птицы собственным трудом возводят свое государство, и труд является главным условием жизни в нем. Здесь нет классов, угнетения, денег, нет неразумных законов и т. д. Социальные корни этого идеала, по мнению китайского автора, лежали в родовой общине аттического села, но так как в обществе не было условий для осуществления подобного идеала, то он должен был вылиться в фантастическую мечту (стр. 28—29).

Может быть, в этом толковании «Птиц» и не все достаточно убедительно, но во всяком случае в нем обращено внимание на такие стороны комедии, которые до сих пор оставались в тени.

Трудно согласиться с утверждением Ло Нянь-шэна, что в комедии «Женщины в народном собрании» Аристофан выступал за проведение общественных реформ и отмену частной собственности. Как раз наоборот: паразитические идеалы обедневшей массы горожан вызывают у Аристофана — в полном соответствии с его идеологией крестьянина-труженика — резко отрицательное отношение. Поэтому нам представляется доказанной точка зрения многих советских ученых, которые считают, что эта комедия дает критику потребительских идеалов деклассированных элементов рабовладельческой афинской демократии, пародию на их мечты об отмене частной собственности и обобществлении имущества (см., например, во втором издании БСЭ статью «Аристофан»).

Статья завершается выводами о значении комедии Аристофана в мировой культуре. Автор указывает, что древнего сатирика высоко ценили русские революционные демократы, и приводит высказывания о нем Белинского и Чернышевского. В этом разделе дается краткая характеристика языка и стиля Аристофана. Следует отметить, что художественное мастерство древнего сатирика служит предметом рассмотрения и в пре-

дышущих разделах статьи, в связи с анализом отдельных комедий. Здесь много верных наблюдений и замечаний: о любимом образе поэта — аттическом землемельце, об охвате действительности в его комедиях, о собирательном характере образов Пафлагонца и Сократа, об эволюции комедийного жанра в «Плутосе» и др. Наиболее уязвимым местом этой части предисловия является невнимание к вопросам происхождения древней аттической комедии, объясняющим специфические черты ее композиции. В книге нет ни слова о фольклорных обличительных истоках древней комедии.

Между тем более пристальное внимание творческого коллектива к особенностям композиции древней комедии позволило бы глубже и с большей исторической перспективой оценить художественное своеобразие творчества Аристофана, чем это сделано сейчас. Так, нельзя согласиться, что в «Ахарниях» первая половина комедии перегружена, а вторая недостаточно организована (стр. 13), или что Аристофан не придавал особого значения композиции и писал как будто спешно (стр. 37). Конечно, если подходить к древней аттической комедии с точки зрения художественных приемов реалистической драмы XIX—XX веков, многое покажется в ней странным или непропорциональным. Но задача исследователей античной литературы в том и состоит, чтобы раскрыть и показать ее конкретно-историческое своеобразие и непреходящую художественную ценность, чего нельзя достигнуть без вдумчивого проникновения в сущность тех эстетических законов, по которым она развивалась. Следует отметить, что в этом отношении во вступительной статье стоило бы больше внимания уделять приемам типизации, заострения образа, присущим сатирическому мастерству Аристофана и не утратившим своего значения для современной литературы.

Перейдем теперь к характеристике перевода комедий.

Как уже было указано, в издание включено пять пьес Аристофана. Можно пожалеть, конечно, что в него не вошел такой шедевр поэта, как «Лисистрата», или столь важная для понимания эстетических позиций Аристофана комедия, как «Лягушки», или очень актуальный для нашей современности «Мир». Но думается, что этот недостаток легко было бы исправить, издав второй том переводов. Поэтому, оставив в стороне сожаления о том, чего нет в рецензируемой книге, попытаемся оценить то, что в нее вошло.

Во-первых, необходимо отметить что первый перевод Аристофана, появившийся на китайском языке,— перевод прозаический. Этот вид перевода и до сих пор не утратил своего значения в силу того, что хороший перевод прозой обеспечивает максимальную смысловую близость к оригиналу, не всегда достижимую в переводе стихотворном. Для примера достаточно сослаться на известный специалистам прозаический перевод Аристофана, сделанный Ван-Дэлем для парижского издания «Les belles lettres». Поэтому, если оставить в стороне требования, предъявляемые к стихотворному переводу, и в качестве главного критерия работы наших китайских коллег считать точность смысла и языка, то надо отметить бесспорно высокий уровень этой работы.

Рецензируемые переводы, выполненные главным образом по английскому изданию текста Роджерса, составляют полное смысловое соответствие оригиналу, в них нет несправданных отступлений, вольностей или толкований переводчиков. Аристофан дан таким, каким он был, без приукрашивания и ненужного расцвечивания. Наряду с этим творческий коллектив, внимательно и вдумчиво подошедший к своей задаче, старался не только точно передать содержание оригинала, но и его стилистические оттенки.

Для того чтобы дать полное представление о характере проделанной работы, надо было бы сравнить китайский и греческий текст, строка за строкой. Ограничимся здесь наиболее наглядными примерами.

В «Ахарниях» точно передан смысл таких важных стихов, как 183, 307 след., 371—383, 980 след., содержащих характеристику афинян, их взаимоотношений со спартанцами, образ безжалостной войны. Очень значительный пассаж, ст. 515—516, в

котором Аристофан специально подчеркивает, что его критика не распространяется на все государство, переведен соответственно: «я говорю не о государстве, пожалуйста, десять миллионов раз запомните, что я говорю не о государстве». В ст. 619, в ответ на восклицание Ламаха («О демократия, невыносимо это!») Дионеополь заявляет: «Да, это невыносимо, что Ламаху выплачивают деньги!». Синтаксически строй фразы изменен по сравнению с оригиналом, но смысл целиком сохранен.

Так же точно воспроизведена образная система оригинала в сцене пробования трех сортов мира (ст. 187—198) и его стилистические особенности в передаче варварской тарабарщины Лжеартаба (ст. 100, 104), комического эпитета *φαμικοχοσιογράφα* (ст. 3), игры слов *φέναξ* — *έφενάκιςες* (ст. 89—90), четырехкратного повторения *βάλλε* в ст. 281, обращения к Эврипиду (*ἀναβάθδη τοίεῖς, ἔξον καταβάθην*) в ст. 410—411 и т. д. В партиях мегарца и беотийца диалектным особенностям их речи в греческом тексте соответствуют диалектизмы в китайском переводе.

В точном и добросовестном переводе «Всадников» достаточно указать на совершенно адекватную передачу смысла и образов в стихах 48, 49 (*κοσκυλματίοις*), 51, 55 (*μῆζαν.. Λαχωνικήν*), 173—175, 280—281, 490—497 (*ἰν'... ἐσκοροδιμένος μόχη*), 840 (удачно сохранено значение глаголов *σεΐων τε καὶ ταράττων* — «трясти и вымогать»). Высокопарным языком, в стиле оригинала, переведены пародийные пророчества (ст. 1015—1058). Остроумно воспроизведена игра слов, основанная на пародировании имени Мирсины, жены Гиппия, которую Аристофан переделывает в Бирсину (*βύρσα* — кожа). Здесь китайскому переводчику помогло звучание первого слога этого выдуманного имени: «би» по-китайски значит «кожа».

С большим чувством юмора и вместе с тем очень точно переведены «Облака». Здесь следует упомянуть и измерение блошиного прыжка (ст. 150 сл.), и объяснение жужжания, производимого комаром (ст. 160 сл.), и изложение причин грома и молнии с воспроизведением звукоподражательного эффекта в ст. 388—391, и характеристику памяти Стрепсиада (ст. 482—494), и спор Стрепсиада с кредитором по поводу процентов (ст. 1287—1295), и очень важный пассаж, содержащий пародийное толкование софистической теории «естественнego права» (ст. 1420—1430).

Удачно найден выход из трудного положения, в которое ставит всякого переводчика игра слов вокруг греческого *ἀλεκτρόν* в «Облаках». В рецензируемом издании для обозначения петуха используется обычное слово «цыпун», а для курицы вместо обычно употребляемого «цизму» взято словосочетание «цизибо» — «курица-жена» (греч. *ἀλεκτρούινα*), что по-китайски звучит комически. В той же комедии, видимо, с целью сделать текст более доступным без комментариев, греческие имена, которые предлагала жена Стрепсиада для своего сына (Ксантипп, Харипп, Каллиппид), переданы соответственно в китайском переводе: «хуалима» («желтый конь»), «фума» («милый конь»), «цзюньма» («прекрасный конь»). Соответственно и имя Фидиппид переведено в этом случае как «бережливый конь», и к стиху сделано примечание, объясняющее, что «бережливый конь» равно по значению греческому имени Фидиппид, под которым герой и выступает в дальнейшем.

Много удач переводчика Ян Сянь-и можно отметить в «Птицах». Так, сохранены звукоподражания в партии Удода («*ցյօցյու, վցիցիցի*»), передающие птичье щебетание (ст. 227—228), и в пароде: ст. 310—311 (*տոլոլոլոլոլոլոլոլով մ՝օր՞օց չէնձե՞ս;*) передан при помощи шестикратного повторения слова «*ցյաօ*» — «позвать» и ст. 314 (*տիտիտիտիտիտինա լօշուն...* *ֆ�լուն չշան*) — таким же повторением слова «*նի*» — «ты». Сохранена игра слов, основанная на многозначности слова *լօփօց* — гребень у птицы и султан у вооруженного воина (ст. 290—293). В молитве жреца (ст. 865—888: *καὶ τῷ իշτինῳ... καὶ ծրուտի... καὶ հախի ռէլ.*) употреблена фонетическая частица «я», придающая тексту характер молитвенного призыва. Точно передано *όμοιοτէլեստօն* в стихах 908—910 и 911—914. Туманным языком с обилием поэтических прикрас отличаются гимны поэта (ст. 924—953, ср. в оригинале *ώκεϊα Μουσάων φάτις* и т. д.). Один из них переведен в форме китайского стихотворения. Игра слов в ст. 1040—1041 удачно воспроизведена следующим образом: выдуманное название племени *Эюйвай*, заменяющее греческое *'Ολοφύ̄ιοι*, составлено из фонем, каждая из которых является восклицанием испуга,

изумления, боли (ср. в греч. φότούξιοι). Как и во «Всадниках», высокопарным языком переведены пророчества (ст. 967 след.), и сохранен комический эффект, достигаемый пятикратным повторением выражения: «написанное в книге — тому доказательство» (греческое λαβέ τὸ βιβλίον). Передана бессмысленная тарабарщина Трибалла в ст. 1628—29 и 1678—79. Точно переведены любопытные стихи о «незаконном» рождении Геракла (ст. 1648—1660).

Последний перевод — «Плутос» — также отличается исключительной добросовестностью и точностью не только в целом, но и в деталях. Можно указать в качестве примера на перевод монолога Хремила в споре с Бедностью (535 сл.), рассказа Кариона о похищении горшка с кашей (ст. 672—691), многочисленных прозвищ Гермеса (ст. 1153—1161), а также стихов 449—451, 833—838 (трехкратное повторение, соответствующее греческому κοιδὴ μὲν οὖ), 922, 1034—1035.

Только в единичных случаях перевод вызывает возражения. В первую очередь это относится к стиху 642 из «Ахаряи», который Ло Нянь-шэн, в соответствии со своим пониманием отношения Аристофана к союзникам, переводит: «Показав, как народ в городах выносит наше господство». Такой оттенок перевода, как уже было указано, оригиналом не оправдывается. Не удалось передать кое-что и из стилистических оттенков, например, игру слов во «Всадниках», ст. 1059—1060 («Πόλος» — «πούλα»; это не удалось, впрочем, и в последних русских переводах а также в «Плутосе», ст. 269—270 (*τερρὸν χρημάτων* — *καχᾶντωρον*) и «Птицах», ст. 180—183 (πόλος — τόπος).

Более существенные стилевые отклонения от оригинала, вызванные самим характером прозаического перевода, в котором нет возможности передать все своеобразие композиционной структуры древнеегипетской комедии. Следует отдать должное научной добросовестности переводчиков: они указывают ремарками на специфические композиционные элементы, выделяя такие части, как пролог, парод, агон, парабаса, а внутри нее — κομματίον, декламационный монолог корифея пнигос, оды и антоды, эпирремы и антэпирремы. Всегда отмечаются параллельные пары строф, выделяется партия хора.

При этом китайские переводчики дают эти термины не по-гречески, а в переводе на родной язык. Пролог передается термином «вступление», парод, обычно отличающийся быстрым темпом, — «подвижная сцена», агон — «спор», парабаса — «вставная песня». Найдены специальные названия и для частей парабасы: комматий — «краткое вступление», монолог корифея — «основной текст», пнигос — «скороговорка». Оды названы «краткими строфами», эпирремы — «при словиями». Диалогические части озаглавливаются термином «chan» (сцена). Как видно, китайские названия довольно точно передают значение соответствующих древнегреческих. К этому можно добавить, что в качестве исполнителей лирических партий указываются полухория, а в эпирремах — предводители двух половин хора.

Распределение текста между композиционными элементами почти не вызывает возражений. Можно только отметить, что едва ли правильно вводить термин «агон» в комедию «Ахаряи», где агона как традиционной структурной единицы нет, а также начинать агон во «Всадниках» со ст. 269, т. е. за 30 с лишним строк до первой строфы, обозначающей фактическое начало агона. Думается, что и хореическое шестнадцатистишие в «Облаках», ст. 1114—1129, представляющее, бесспорно, остаток парабасы от первой редакции, лучше было бы назвать все же эпирремой, чем второй парабасой. Но это частные вопросы, не снимающие положительной оценки той работы по структурному членению комедии, которая произведена переводчиками.

К сожалению, дать название отдельным частям комедии — еще не значит передать своеобразие ее структуры. В прозаическом переводе, естественно, теряется различие между ритмом анаapestов в парабасе и агоне, с одной стороны, и триметром диалога или трохеями эпиррем — с другой, и дело здесь не только в размере, но и в различном стилевом колорите этих частей.

Так, например, в рецензируемом переводе почти пропал художественный эффект

замечательных пнигосов во «Всадниках» (ст. 367—381, 441—456, 912—940) и «Облаках» (ст. 439—456). Теряется острота при пародировании или пародийном цитировании трагических стихов и многие другие художественные особенности оригинала. Это чувствовали, видимо, и сами китайские переводчики, и в ряде случаев уже в рамках существующего перевода они используют выразительные особенности китайского стихосложения для создания ритмического и художественного эффекта, соответствующего оригиналу.

Так, например, пнигос из «Ахарнян» (ст. 663—664) передан скороговоркой, стихомия между Ламахом и Дицеополем из той же комедии (ст. 1095—1142) — параллельными двустишьями, так что каждая пара реплик действующих лиц оканчивается одинаковыми словами. В «Птицах» лирическая ария удода (ст. 209—222) и ряд хоровых партий (1470—1493, 1553—1564, 1694—1705 и 1720—1754) переведены на китайский как стихотворения с одинаковым числом слогов в строке и с рифмой. Как уже отмечалось, в форме стихотворения передан в этой комедии и один из гимнов поэта (ст. 924—953).

Эти примеры показывают, что китайская поэзия обладает художественными возможностями для того, чтобы в наибольшей степени приблизиться к передаче оригинальной метрической структуры аристофановской комедии. Разумеется, не может быть и речи о механическом копировании ритмов оригинала, чужеродных для китайского языка, — задача состоит в том, чтобы найти соответствующие эквиваленты в собственной сокровищнице поэтических средств китайского народа.

Требования, выдвинутые в последнем разделе нашей рецензии, по существу уже выходят за пределы задач, поставленных переводчиками в этом издании комедий Аристофана. Поэтому их следует рассматривать как пожелание нашим китайским коллегам продолжать работу над переводом, совершенствовать его художественные достоинства, стремиться приблизить перевод к оригиналу и по форме. В том же плане, в каком выполнен перевод сейчас, он безусловно заслуживает высокой оценки, как и вся книга в целом, открывающая для китайского читателя творчество великого древнегреческого сатирика и содействующая укреплению дружественных культурных связей между народами.

B. A. Рубин, B. N. Ярхо

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ РАННЕЙ ГРЕЦИИ

В этом обзоре делается попытка рассмотреть некоторые, по мнению автора наиболее важные, новые труды зарубежных ученых, посвященные истории Эллады в первые века I тысячелетия до н. э. Само собой разумеется, что в журнальной статье, каких бы она ни была размеров, невозможно учесть все работы, вышедшие по данному вопросу хотя бы за последнее десятилетие. Ведь в одном только обстоятельном библиографическом обзоре А. Лески, охватывающем фактически только первое послевоенное пятилетие, и притом только собственно гомеровскую тематику, учтено не менее двухсот новых книг и крупных статей¹. В данной статье будет обращено внимание лишь на те исследования зарубежных ученых, которые, по мнению автора, представляют по тем или иным соображениям наибольший интерес для советского читателя и помогают лучшему познанию закономерностей развития эллинского мира в начале I тысячелетия до н. э.

Наиболее значительным событием в историографии этого периода греческой ис-

¹ A. Lesky, Homer, I—III, «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», IV (1951), вып. 2/3, стр. 65—80; вып. 4, стр. 195—212; V (1952), вып. 1, стр. 1—24